

А.А. Орлов

«Потаенные КНИГИ»:

*иудейская
мистика
в славянских
апокрифах*



Книга издана в авторской редакции

Андрей А. Орлов

«Потаенные книги»: иудейская мистика в славянских апокрифах. — М.: Мосты культуры / Гешарим, 2011 — 318 с.

ISBN 978-5-93273-340-3

Сборник статей посвящен изучению ранних иудейских апокалиптических произведений, бытовавших в славянской традиции. Эти «потаенные книги», такие, как «Книга Еноха Праведного», «Откровение Авраама» и «Лестница Иакова», сохранившиеся только в славянских переводах, повествуют о событиях, предшествующих творению видимого мира и того, что произойдет с человечеством в конце времен, после Страшного суда. Именно они связывают апокалиптику Второго Храма и более поздние иудейские мистические течения — Небесных Чертогов (Хейхалот) и Божественной Колесницы (Меркава). Анализируя эти тексты, автор открывает их значение в формировании символики ранней иудейской мистики. В этих книгах рассказывается о вознесении праведника на небеса и его преображения в бессмертное небесное существо с помощью так называемой «росы воскрешения» — масла Божией благодати, истекающей с Древа Жизни. Апокрифические истории небесного вознесения и преображения таких библейских патриархов, как Енох, Иаков и Авраам играли важнейшую роль в переходе от апокалиптической символики к уникальной теофанической образности более поздней иудейской мистики.

ISBN 978-5-93273-340-3

© Андрей Орлов, 2011

© Мосты культуры/Гешарим, 2011

Сосуды света:

предание о светоносном веке во Второй (славянской) книге Еноха¹

...Сосуды разбились и сокрушились, потому что они не были способны удержать излучающий свет, разлившийся из них... святые в своей смерти превращаются в эти Божественные искры...

Хаим Виталь «Эц Хаим»

Вводные замечания

В 25-й главе² Второй (славянской) книги Еноха³ Господь открывает перенесенному в иной мир герою, жившему еще до Потопа, некоторые неведомые моменты таинства творения — эти подробности мы не найдем ни в ранних списках Книги Еноха, ни в каких других еврейских источниках, относящихся к эпохе Второго Храма. Важнейший аспект этого откровения — исчисление порядка событий, предшествовавших творению видимого мира. Божество открывает созерцателю, что прежде всякого видимого творения Оно произвело из небытия светоносный эон Адоил, повелев ему стать основанием всех высочайших вещей. В этом отрывке описывается, как Адоил превратился в краеугольный камень творения, на котором Божество основало Свой Престол.

¹ Перевод с английского языка выполнен Александром Марковым по следующей публикации: А. Orlov, «The Pillar of the World: The Eschatological Role of the Seventh Antediluvian Hero in 2 (Slavonic) Enoch», *Henoch* 30.1 (2008) 119–135.

² Здесь и далее я следую общепринятому разделению на главы и стихи, сделанному Френсисом Андерсеном в его английском переводе Второй книги Еноха: F. Andersen, «2 (Slavonic Apocalypse of) Enoch», *The Old Testament Pseudepigrapha* (2 vols.; ed. J.H. Charlesworth; New York: Doubleday, 1985 [1983]) 1.102–221.

³ Этот текст известен в славянской традиции как Книга Еноха Праведного.

Выдающиеся исследователи иудейской мистики, такие, как Гершом Шолем и Моше Идель, заметили, что это первоначальное перечисление в главе 25 порядка появления тварных вещей составляет параллель порядку эсхатологических событий, о которых рассказано в главе 65, где говорится, что Енох, вернувшись на землю на короткое время, поведал своим детям таинство последних времен⁴. Согласно наставлению Еноха, после Страшного (Последнего) суда время прекратит свое существование, и все праведники погрузятся в единый светоносный эон. Описание этого окончательного эона показывает черты поразительного сходства с изображением первоначального эона Адоила, этого основания порядка последующего творения. Похоже, во Второй книге Еноха подчеркивается, что праведный Енох, перенесенный на небо и преобразившийся в светоносное небесное существо, стал начатком эсхатологического эона, в котором все праведники будут составлять одно событийное целое.

В настоящей статье мы исследуем истоки представления о светоносном эоне в славянской версии этого апокалиптического сочинения в связи с общей ролью Еноха в эсхатологическом восстановлении мира.

1. Изначально учрежденное различие: эон Адоил как основание мира

Таинства творения — одна из важнейших тем славянской Книги Еноха Праведного. Хотя во время своего небесного путешествия патриарх получил множество тайных знаний — знание о порядке творения занимает среди них особое место — это подчеркивается той простой особенностью, что тайны творения были открыты Еноху наедине Самим Божеством и что это знание никогда не открывалось прежде никаким созданиям, даже ангелам. Такое надангельское ведение было даровано созерцателю после его преображения в небесного человека, и правильно было бы усмотреть в этом знании вершину всего тайного знания, кото-

⁴ G. Scholem, *On the Mystical Shape of the Godhead: Basic Concepts in Kabbalah* (New York: Schocken, 1991) 98–101; M. Idel, *Ascensions on High in Jewish Mysticism: Pillars, Lines, Ladders* (Past Incorporated. CEU Studies in Humanities, 2; Budapest: Central European University Press, 2005) 75ff.

рое седьмой допотопный патриарх получил в надмирной области. Обе версии Второй книги Еноха, пространная и краткая, дают подробное описание этого откровения. Начинается оно с порядка событий, произошедших непосредственно перед тем, как было создано видимое творение. В краткой версии Второй книги Еноха этот порядок дается в таком виде:

Умышле же поставити основание, створити тварь видиму. Повелѣх въ преисподних, да въздетъ едино невидимых видимо. Изыде Адоиль, превелики зѣло, и смотрих его, и се то имый въ чревѣ вѣка великаго. И рѣх аз к нему: «Раздрушися, Адоиль, и буди видимое разрѣшаемое ис тебе». И разрѣши ся, и изыде из него великий вѣкъ, а тако носяща всю тварь, юже азъ хотѣх сотворити. И видѣх, яко благо. И поставих себѣ прѣстоль, и сѣдох на немъ, свѣтови же глаголахъ: «Взыди ты выше и утверди ся, буди основание вышнимъ». И нѣсть превыше свѣта ино ничтоже⁵.

Важность этого отрывка показана тем, что эон Адоил стоит при начале всякого творения⁶. Эта загадочная сущность должна

⁵ «...И помыслил я поставить основание, сотворить тварь видимую. И повелел я в преисподних, да взойдет одно из невидимых в видимое. И вышел Адоил, огромный весьма, и увидел я, что во чреве (своем) содержит (он) век великий. И сказал я ему: “Разрешись, Адоил, и да будет видимое рождено из тебя”. И разрешился (Адоил), и вышел из него век великий, несущий всю тварь, которую я хотел создать. И увидел я, что (это) хорошо. И поставил я себе престол, и сел на нем, свету же сказал: “Взойди ты выше, и утвердись, и будь основанием для высшего”. И нет превыше света ничего иного...» Л.М. Навтанович, “Книга Еноха”, *Библиотека литературы Древней Руси* (под ред. Д.С. Лихачева; 20 томов; С.-Петербург, 1999) 3.216–217. В пространной редакции этот эпизод отличается более интенсивным использованием символики света: «...и замыслил Я поставить основание [и] создать видимое. И повелел Я в вышних, чтобы сошел один из невидимых — видимый. И сошел Адоил огромный. И посмотрел Я на него: и вот в чреве его был великий свет. И сказал Я ему: “Разрешись Адоил, и пусть видимое родится от тебя.” И он разрешился и вышел [из него] свет превеликий, и Я был среди света [...]. От света изошел Век огромный, являя [с собой] все создания, которые замыслил Я сотворить. И увидел Я, что это хорошо, поставил Себе престол и воссел на нем. И сказал Я свету: “Взойди выше престола, и утвердись, и будь основанием вышних.” И нет выше света ничего иного...» В.М. Хачатурян, “Книга Еноха”, *Апокрифы Древней Руси. Тексты и исследования* (под ред. В. Милькова; Москва, 1997) 51–52.

⁶ Об этимологии имени Адоил см.: A. Orlov, “Secrets of Creation in 2 (Slavonic) Enoch”, в: idem, *From Apocalypticism to Merkabah Mysticism: Studies in the Slavonic Pseudepigrapha* (SJS), 114; Leiden: Brill, 2007) 191–94.

рассматриваться как посредник в творении, возникший одновременно с творением благодаря самому своему участию в творении. В этом отрывке особо отмечены огромные размеры Адоила: он характеризуется как «превелики зѣло». Он изображен как зачавший в себе все творение: он содержит в своем чреве великий эон. Не вполне понятно, описывается ли здесь происхождение одного эона из другого путем эманации. Можно также предположить, что образ Адоила связан с мифом о Первочеловеке (Адаме, или Антропосе), особенно если иметь в виду ту версию мифа, которая отразилась в «Герметическом своде», где Начальный Человек рассматривается как своего рода черновой оттиск всех сотворенных в мире вещей. Вещи возникли после того, как он выпал в область естественных событий, — этот мотив в «Поймандре» основан на сравнении эротического плана: этот Первочеловек был соблазнен любовью к Природе. Во Второй книге Еноха такой же распад целостности Адоила стал началом существования видимой действительности. Именно благодаря этому распаду Бог смог учредить первое видимое проявление порядка в тварном мире — Свой Престол. Замечательно, что в обеих версиях Божество повелевает Адоилу стать «основанием» высочайших вещей⁷. Таким образом, Адоил явно показан как основание, поддерживающее все творение. Для нашего дальнейшего исследования ключевым становится это терминологическое отождествление Адоила с основанием творения.

Обе версии подчеркивают, что распад целостности Адоила стал важной предпосылкой к тому, чтобы был установлен Престол Божий⁸. Престол — это место, с которого Бог надзирает (т.е. обеспечивает) развертывание происходящего творения. Поэтому Престол — важнейший образ события творения, поскольку он почитается как центр всего тварного мира.

Другой важный момент, который нужно учитывать в нашем дальнейшем обсуждении, это образ Адоила как «разрешителя» откровения. Откровение в его случае происходит не через слово, но каким-то более существенным образом: а именно путем

⁷ «Взойди ты выше, и утвердись, и будь *основанием* для высшего». Навтанович, «Книга Еноха», 217; «Взойди выше престола, и утвердись, и будь *основанием* вышних». Хачатурян, «Книга Еноха», 51.

⁸ «И поставил я себе *престол*, и сел на нем...» Навтанович, «Книга Еноха», 217; «И увидел Я что это хорошо, поставил Себе *престол* и воссел на нем». Хачатурян, «Книга Еноха», 51.

изменения его природы. Так обозначенный способ откровения весьма важен для нашего будущего анализа роли Еноха как получателя откровения и его сущностного, если так можно сказать, участия в открытии эсхатологического эона. Распад целостности Адоила отождествляется с откровением о тварном мире: «От света изошел Век огромный, являя [собой] все создания, которые замыслил Я сотворить»⁹. И еще один важный момент изображения Адоила — постоянные ссылки на его светоносную природу. Устойчивый мотив светоносности первоначального эона лучше всего просматривается в пространной редакции, в которой говорится не просто о внешнем сиянии природы этой первичной сущности, но и о ее внутреннем свете. Этот внутренний свет показан как зачатие великого света: «И сказал Я ему: “Разрешись Адоил, и пусть видимое родится от тебя”. И он разрешился, и вышел [из него] свет превеликий, и Я был среди света [...]. От света изошел Век огромный, являя [собой] все создания, которые замыслил Я сотворить...»¹⁰

II. Эсхатологическое восстановление: эон праведных

Рассмотренный выше рассказ Божества о первом творении в гл. 25 и 26 славянского апокрифа затем повторен в краткой форме в гл. 65, где Енох пытается передать своим сыновьям и всем людям земли то знание, которое он получил во время небесного странствия. В этом чрезмерно сжатом описании даны подробности космологического плана, объясняющие не только возникновение творения, но и его конечную судьбу.

В гл. 65 говорится о наставлениях, которые патриарх, герой веры, спешит передать человечеству до своего второго и окончательного ухода на небеса. Важность сообщаемой вести подчеркнута конечным ее положением в тексте апокрифа, так что она выступает итогом всех откровений, полученных Енохом ради всего человечества. Можно провести множество параллелей между этим отрывком и возвещаниями самого Господа Еноху о тайнах творения. Эти возвещания Енох воспринял также в

⁹ Хачатурян, «Книга Еноха», 51.

¹⁰ Там же.

конце своего небесного путешествия, как итог откровений, и это знание было дано от самого Господа, в отличие от прежних небесных тайн, переданных ему ангелами, сопровождавшими его душу, и ангелом Веревиллом. Одной из интригующих черт этого загадочного откровения может считаться то, что не только порядок сообщения созерцателем последней и высочайшей тайны людям совпадает с порядком сообщения Богом Еноху величайшей тайны творения, но и то, что подробности этого сообщения показывают множество сходств. Это тайное знание, переданное обитателям земли, может рассматриваться как сокращенный конспект великого откровения, полученного вознесенным патриархом в гл. 25 и 26. Вот что говорится в краткой редакции (2 *Енох* 65, 1–11):

Отвѣща Енохъ к людемъ своим, глаголя: «Слышите, чада моя. Прже, да иже вся не быша, прже, да иже не оста вся тварь, постави Господь вѣка тварнаго, и по томъ сътвори всю тварь свою, видимую и невидимую, и по том же вѣм созда человекъ по образу своему, и вложи ему очи видѣти, и уши слышати, и сердце помышляти, и умъ съвѣтовати. Тогда разрѣши Господь вѣк человекъ ради, и раздѣли на времена и на часы, да размышляетъ человекъ время прѣмѣны, и конца зачала лѣтъ, и конци мѣсяць, и дний, час, и дасть свою жизнь и смерть. Егда скончаетъ вся тварь, юже сотвори Господь, и всякъ человекъ идетъ на Суд Господень Великий, тогда времена погибнут, и лѣтъ к тому не будетъ, ни мѣсяци, ни дни, и часа к тому не почтутъ ся, но станеть вѣкъ единъ. И вси праведници, иже убѣгнутъ суда великаго Господня, прикупятъ ся Вѣцѣ Велицѣмъ, купно прикупятъ ся праведницѣх, и будутъ вѣчнѣи. К тому не будетъ в них труда, ни болѣзни, ни скорби, ни чаанна нужна, ни усилия, ни нощи, ни тмы, но свѣтъ великъ будетъ имъ выину. И стѣна неразорима, и рай великъ будетъ имъ кровъ жилища вѣчна. Блажени праведници, иже избѣгать Суда Великаго Господня, зане просвѣтятъ ся лица яко солнце»¹¹.

¹¹ «Отвечал же Енох людям своим, говоря: “Слушайте, чада мои. Сначала, когда всего не было, прежде, чем появилось все творение, создал Господь мир сотворенный, и после этого создал все творение свое, видимое и невидимое, и после всего этого создал человека по образу своему, и дал ему глаза видеть, и уши слышать, и сердце желать, и ум решать. Тогда освободил Господь мир ради человека, и разделил (век) на времена и часы, да размышляет человек о смене времен, и конце и начале лет, и окончании

Патриарх начинает свое повествование с отсылки к важнейшей теме первоначального эона, уже известной читателю из передачи откровения в гл. 25. Первичные события бытия и составляющие содержание этого откровения поставлены в соответствие с теми событиями, которые будут сменять друг друга в последние времена. Согласно Книге Еноха, последним действием будет восстановление целостности творения: все творение будет вмещено в единый эон, вобравший в себя всех праведников мира. Как сказано в тексте апокрифа: «И все праведники, которые избегнут наказания Господнего великого, соединятся в Веке Великом»¹². Это окончательное включение всего творения в единый эон вызывает в памяти изначальный распад целостности Адоила, некогда давшего рождение множеству тварных форм. В приведенном отрывке описывается тотальная катастрофа пространственного и временного устройства, благодаря чему «исчезнут времена, и лет больше не будет, и ни месяцы, ни дни, ни часы более не будут сосчитываться, но настанет век единый»¹³.

Очевидно, что это подведение всех итогов тварному порядку многогранно отображает первоначальное откровение: вмещение всех вещей в окончательный эон не может не ассоциироваться с путями распада первичного эона Адоила. Назовем те черты, которые являются общими для обоих эонов.

Мотив светоносности

Оба эона отличаются светоносностью. Сразу вспоминается, что символ света пронизывает все описание Адоила, который, со-

месяцев, и дней, и часов, да знает (о конце) своей жизни — смерти. Когда же перестанет существовать все, что сотворил Господь, и всякий человек придет на Суд Господа Великий, тогда исчезнут времена, и лет больше не будет, и ни месяцы, ни дни, ни часы более не будут сосчитываться, но настанет век единый. И все праведники, которые избегнут наказания Господнего великого, соединятся в Веке Великом, вместе соединятся праведники, и будут пребывать (там) вечно. И более не будет им ни труда, ни болезни, ни скорби, ни ожидания невзгод, ни тягот, ни ночи, ни тьмы; свет великий будет для них всегда. И стена неразрушимая в раю великом будет защитой их жилища вечно. Блаженны праведники, которые избегнут Суда Великого Господнего, ибо озарятся лица их подобно солнцу». Навтанович, «Книга Еноха», 3.228–231.

¹² Навтанович, «Книга Еноха», 3.231.

¹³ Там же.

гласно пространной редакции Второй книги Еноха, не просто имеет световую природу, но и зачинает великий свет. Как и первоначальный эон, эсхатологический эон также излучает сияние. Согласно Второй книге Еноха, праведники, составившие этот последний эон, будут иметь там «великий свет»¹⁴. В краткой редакции светоносность последнего эона дополнительно обозначена тем, что лица праведников, в него вошедших, «озарятся... подобно солнцу»¹⁵.

Праведник как основание

Как мы уже говорили, в откровении о сотворении мира Адоил изображен как основание видимых вещей, как земных, так и небесных, включая самое местопребывание Божества — Его Престол. С учетом явной параллели описаний первого и последнего эона, в составе эсхатологического эона также следует искать идею «основания». Хотя эта идея в данном случае не так явно выражена, как в рассказе о начале творения, целый ряд деталей непосредственно указывают на нее.

Комментируя отождествление последнего эона с праведниками, Моше Идель отмечает, что в еврейской мистике праведники часто изображаются как основание космического порядка. Исходя из этого отождествления, Идель предполагает, что и во Второй книге Еноха наличествует скрытая параллель между первоначальным и эсхатологическим эоном: эоном Адоилем и эоном праведных.

В монографии, посвященной символизму столпов в еврейской мистике, Идель приводит отрывок из «Книги Бахир», в котором праведник представлен как столп, достигающий неба.

Существует столп от земли до неба, и имя ему Цадик [праведник], как мы и называем праведных людей. Когда в мире есть праведники, столп стоит твердо, а если нет, то он ослабевает. На этом столпе держится весь мир, ибо, как написано, «праведные — основание мира». Но когда столп ослабевает, он не может поддерживать мир.

¹⁴ «И более не будет им ни труда, ни болезни, ни скорби, ни ожидания невзгод, ни тягот, ни ночи, ни тьмы; свет великий будет для них всегда». Навтанович, «Книга Еноха», 3.231.

¹⁵ Навтанович, «Книга Еноха», 3.231.

Поэтому если в мире даже один праведник, на этом праведнике держится весь мир¹⁶.

Идель отмечает, что в этом отрывке слово «праведник» употреблено в двух смыслах: в мире существуют праведники, но также всегда существует космологический праведник, от наличия которого зависит само существование мира¹⁷. Идель возводит такое понимание праведности как миродержательного начала к мистическому концепту, отразившемуся и в славянской версии Еноха, где «великий век, тождественный основанию мира, предназначен для праведных»¹⁸.

Идель обсуждает также традицию, переданную в трактате «Хагига» Вавилонского Талмуда 12b, где праведник изображен не только как этическое, но и как космологическое условие существования мира:

Согласно учению, рабби Иосия сказал: Горе людям, которые видят, но не знают, что они видят, которые стоят, но не знают, на чем они стоят. На чем утверждена земля? На столпах. Поэтому и сказано: «Кто сдвинет землю с места ее и столпы ее поколеблет?» ... Но мудрецы говорят: «Мир утверждён на двенадцати колоннах, почему и сказано: Он утвердил границы людям по числу колен чад Израиля. А некоторые говорят, что столпов семь, потому что сказано: И утвердила она столпов семь. Рабби Елеазар бен Шаммуя говорит: Мир утверждён на одном столпе, и имя ему «праведник», почему сказано: «Праведник — основание мира»¹⁹.

Конечно, можно попытаться свести эти высказывания учителей к простому указанию на то, что нравственное поведение поддерживает правильный порядок всех мировых дел. Но Идель замечает, что отрывок из «Хагиги» Вавилонского Талмуда говорит не о моральном, а именно о космическом благоустроении. Он замечает: «Отрывок из “Хагиги” — это краткое, но исклю-

¹⁶ *The Book of Bahir* (ed. D. Abrams; Los Angeles: The Cherub Press, 1994) 160–61.

¹⁷ Idel, *Ascensions on High in Jewish Mysticism*, 80.

¹⁸ Idel, *Ascensions on High in Jewish Mysticism*, 81.

¹⁹ *Бавли Хагига* 12b.

чительно знаменательное рассуждение — представляет собой часть мифопоэтической космологии, а вовсе не набор указаний на бытовое благочестивое поведение. Если говорить точнее, основным контекстом обсуждения является космология, и вопрос о моральных требованиях к праведнику становится побочным»²⁰.

Важным моментом в «Хагиге» является представление о семеричной структуре основания мира²¹. Поэтом замечательно, что пространная редакция Второй книги Еноха (2 Енох 66, 8) настаивает на сплошной семеричности последнего эона. Такое откровенное предпочтение седмицы как организующего принципа этого последнего эона можно считать параллелью к позднейшей раввинистической традиции, говорящей о семи столпах, на которых утверждена земля²².

III. Енох-Метатрон как основание мира

Праведность Еноха

Представляется не случайным, что впечатляющее откровение о последнем веке праведных исходит из уст седьмого допотопного патриарха, который в ранних иудейских преданиях был прославлен своей образцовой праведностью. В свете этой идеи получателя великого откровения как образцового праведника нужно внимательно рассмотреть мотив праведности Еноха, как

²⁰ Idel, *Ascensions on High in Jewish Mysticism*, 75.

²¹ Отрывок из книги Зогар также говорит о семи столпах, на которых держится творение. Зогар I.231 говорит следующее: «Рабби Иосия начал свою речь с цитаты “Когда его основания были утверждены?” (Иов 38, 6). Этот стих был произнесен Святым, да будет Он благословен, потому что когда Он сотворил мир, Он сотворил его на столпах — семи столпах мира, как сказано: “Она утвердила семь столпов” (Притч 9, 1). Но никому не известно, на чем утверждены эти семь столпов, потому что это глубочайшая тайна, самая сокровенная из всех» I. Tishby, *The Wisdom of the Zohar: Anthology of Texts* (3 vols.; London: The Littman Library of Jewish Civilization, 1994) 2.571. Далее в Зогаре камень основания творения, стоящий в центре мира и представляющий из себя основу любой вещи или дела, определяется как «основание и поддержание мира» и описывается как семиочитая сущность: «Прииди и виждь. Семь очей у этого камня, как сказано: на одном камне семь очей (Зах 3, 9).» Tishby, *The Wisdom of the Zohar*, 2.572.

²² Idel, *Ascensions on High in Jewish Mysticism*, 75.

он представлен в ветхозаветных апокрифах. Эпитет «праведник» прилагается к нашему герою уже в начале его легендарной истории, где его праведность напрямую противопоставлена порочности допотопных людей и преступлениям Стражей — ангелов, сошедших с небес и вступивших в противозаконный союз с земными женщинами.

Уже в первых стихах одного из самых ранних апокрифов, героем которого является Енох, «Книге Стражей» (1 Енох 1, 2) патриарх определяется словами «праведный муж». Далее (1 Енох 15, 11) мы встречаем то же определение, на этот раз исходящее из уст самого Господа: «Он ответил мне и сказал мне гласом Своим: Слушай и не бойся, Енох, муж праведный, пишущий правду...»²³ Помимо личной праведности патриарха, позволившей ему стать примером праведного поведения для будущих поколений, в этом отрывке также подчеркивается, что Енох был учителем правды в буквальном смысле. Он должен был восстанавливать и поддерживать моральный и космический порядок допотопного мира распространением призывов к покаянию и грозных пророчеств, полученных от Бога и Его ангелов²⁴. Повествования о Енохе, относящиеся к более раннему времени (Первая книга Еноха 12:4 и 15:11), не раз называют его «Писцом Праведности», то есть письменно распространяющим требования, ведущие к праведности²⁵.

Повествования о Енохе раннего времени подтверждают еще в одном смысле эсхатологическую задачу Еноха как праведника. Согласно Первой книге Еноха, седьмой допотопный патриарх посещает загадочное место, именуемое «райским садом праведности». Это словосочетание можно считать обозначением эсхатологического собрания всех праведников, о котором говорится в конце Второй книги Еноха.

²³ M. Knibb, *The Ethiopic Book of Enoch* (2 vols; Oxford: Clarendon Press, 1978) 2.100.

²⁴ О посредническом служении Еноха см.: A. Orlov, *The Enoch-Metatron Tradition* (TSAJ, 107; Tübingen: Mohr/Siebeck, 2005) 59–70.

²⁵ Йозеф Милик предполагает, что почетное звание «Писец Праведности» может быть соотнесено с арамейским термином ספר קושטא. См. J. Milik, *The Books of Enoch* (Oxford: Clarendon, 1976) 191. Джордж Никельсбург предполагает соотнести это звание с арамейским выражением ספר די קושטא. G.W.E. Nickelsburg, *1 Enoch I: A Commentary on the Book of 1 Enoch, Chapters 1–36; 81–108* (Hermeneia; Minneapolis: Fortress, 2001) 65.

Как уже указывалось, ранние апокрифические повествования о Енохе особо отмечают разительную противоположность праведности Еноха и греховности допотопных людей, когда преступления ангельских Стражей привели к нравственной и космологической катастрофе, ведущей человеческий род и всю природную среду к неизбежной гибели. В этой катастрофической смене событий, угрожающей всему мирозданию, Енох остается единственным праведником, на которого еще может опираться порядок тварных дел. Таким образом, он как может служить столпом допотопного мира. Важность патриарха Еноха как поддержки и защитника творения еще раз утверждается в Книге Юбилеев, которая выводит патриарха как всемирную дамбу, не пускающую воды потопа. Как говорится в «Книге Юбилеев» (*Юб 4, 23*), благодаря Еноху «вода потопа не дошла до земли Эдемской, потому что он встал там как знамя и свидетельство за всех людей, дабы поведать все деяния, произошедшие до дня Суда»²⁶.

Роль Еноха как столпа, на котором держится мир, не была забыта и в позднейшей иудейской книжности. Исследование Иделя выявило целую традицию, сохраненную для нас позднейшей иудейской мистикой, в которой патриарх Енох изображается как основание, на котором держится весь мир: «...Праведник есть основание мира. Ради одного праведника и длится мир, и такой праведник — Енох, сын Иареда»²⁷. Очевидно, что создатели этой традиции черпали материал из ранней енохической литературы и поэтому знали о тех деяниях и достоинствах седьмого патриарха, о которых в Библии не сообщается. Они попытались осмыслить образ Еноха как столпа мира, способного удерживать на себе моральное и космическое устройство мира посреди того хаоса отношений и действий, который отличал допотопных грешников.

Следует заметить, что понимание Еноха как столпа, на котором основывается мир, свойственно также поздней иудейской мистике, в которой небесный двойник седьмого патриарха, верховный ангел Метатрон, обычно понимался как сила, поддер-

²⁶ J.C. VanderKam, *The Book of Jubilees* (2 vols.; CSCO 510–11, Scriptorum Aethiopicorum 87–88; Leuven: Peeters, 1989) 2.28.

²⁷ Idel, *Ascensions on High in Jewish Mysticism*, 85.

живающая весь мир²⁸. Космологическое значение Метатрона подтверждается прежде всего обозначением его служения как

²⁸ Об ангеле Метатроне см. следующие исследования: D. Abrams, "The Boundaries of Divine Ontology: The Inclusion and Exclusion of Metatron in the Godhead," *HTR* 87 (1994) 291–321; P.S. Alexander, "The Historical Setting of the Hebrew Book of Enoch," *JJS* 28–29 (1977–1978) 156–180; idem, "3 (Hebrew Apocalypse) of Enoch," 1.223–315; H. Bietenhard, *Die himmlische Welt im Urchristentum und Spätjudentum* (Tübingen: Mohr/Siebeck, 1951) 143–160; M. Black, "The Origin of the Name Metatron," *VT* 1 (1951) 217–219; M.S. Cohen, *The Shi'ur Qomah: Liturgy and Theurgy in Pre-Kabbalistic Jewish Mysticism* (Lanham: University Press of America, 1983); J. Dan, "The Seventy Names of Metatron," в: J. Dan, *Jewish Mysticism. Late Antiquity* (2 vols.; Northvale: Jason Aronson, 1998) 1.229–34; idem, *The Ancient Jewish Mysticism* (Tel-Aviv: MOD Books, 1993) 108–124; J. R. Davila, "Of Methodology, Monotheism and Metatron," *The Jewish Roots of Christological Monotheism: Papers from the St. Andrews Conference on the Historical Origins of the Worship of Jesus* (eds. C.C. Newman, J. R. Davila, G. S. Lewis; SJSJ, 63; Leiden: Brill, 1999) 3–18; idem, "Melchizedek, the 'Youth,' and Jesus," в: *The Dead Sea Scrolls as Background to Postbiblical Judaism and Early Christianity: Papers from an International Conference at St. Andrews in 2001* (ed. J. R. Davila; STDJ, 46; Leiden: Brill, 2003) 248–74; W. Fauth, "Tatrosjah-totrosjah und Metatron in der jüdischen Merkabah-Mystik," *JSJ* 22 (1991) 40–87; C. Fletcher-Louis, *Luke-Acts: Angels, Christology and Soteriology* (WUNT, 2/94; Tübingen: Mohr/Siebeck, 1997) 156; Halperin, *The Faces of the Chariot*, 420ff; M. Hengel, *Studies in Early Christology* (Edinburgh: T&T Clark, 1995) 191–194; I. Gruenwald, *Apocalyptic and Merkavah Mysticism* (Leiden: Brill, 1980) 195–206; M. Himmelfarb, "A Report on Enoch in Rabbinic Literature," *SBLSP* (1978) 259–69; C. Kaplan, "The Angel of Peace, Uriel-Metatron," *Anglican Theological Review* 13 (1931) 306–313; M. Idel, "Enoch is Metatron," *Immanuel* 24/25 (1990) 220–240; idem, *The Mystical Experience of Abraham Abulafia* (tr. J. Chipman; Albany: SUNY, 1988) 117–19; S. Lieberman, שְׁקִי"עִי (Jerusalem, 1939) 11–16; idem, "Metatron, the Meaning of his Name and his Functions," Appendix to Gruenwald, *Apocalyptic and Merkavah Mysticism*, 235–241; R. Margaliot, מַלְאָכֵי עֵלְיוֹן (Jerusalem: Mossad Harav Kook, 1964) 73–108; Milik, *The Books of Enoch*, 125–35; G. F. Moore, "Intermediaries in Jewish Theology: Memra, Shekinah, Metatron," *HTR* 15 (1922) 41–85; C. Mopsik, *Le Livre hébreu d'Hénoch ou Livre des palais* (Paris: Verdier, 1989) 28ff; C. R. A. Morray-Jones, "Transformational Mysticism in the Apocalyptic-Merkabah Tradition," *JJS* 43 (1992) 1–31, esp. 7–11; A. Murtonen, "The Figure of Metatron," *VT* 3 (1953) 409–411; H. Odeberg, "Föreställningar om Metatron i äldre judisk mystik," *Kyrkohistorisk Årsskrift* 27 (1927) 1–20; idem, *3 Enoch, or the Hebrew Book of Enoch*, 79–146; idem, "Enoch," *TDNT* 2.556–560; A. Orlov, *The Enoch-Metatron Tradition*; Schäfer, *The Hidden and Manifest God*, 29–32; G. Scholem, *Jewish Gnosticism, Merkabah Mysticism, and Talmudic Tradition*, 43–55; idem, *Kabbalah*, 377–381; idem, *Major Trends*, 43–55; idem, "Metatron," *Encyclopaedia Judaica* (Jerusalem: Keter, 1971)

«правителя мира» или «владыки мира»²⁹ (שר העולם) — об этом его служении говорится уже во Второй книге Еноха³⁰. Позднее эта идея была развита в мистике Чертогов (*Хейхалот*), включая «Книгу чертогов» (*Сефер Хейхалот*)³¹. Замечательно, что управление миром, приписываемое Еноху-Метатрону, включает в себя не только администрирование человеческих дел, но также и поддержание привычного порядка в природе. Моше Идель ссылается на трактат «Семьдесят имен Метатрона», в котором описывается, что этот ангел вместе с Богом поддерживает мир в своих руках³². Мотив Божества и Его главного помощника, держащего мир на ладонях, был концептуально разработан в традициях *Шуур Кома*³³ и *Хейхалот*, где Енох-Метатрон обладает

11.1443–1446; idem, *Origins of the Kabbalah*, 214–15; A. Segal, *Two Powers in Heaven: Early Rabbinic Reports about Christianity and Gnosticism* (SJLA, 25; Leiden: Brill, 1977) 60–73; G.G. Stroumsa, “Form(s) of God: Some Notes on Metatron and Christ,” *HTR* 76 (1983) 269–288; L.T. Stuckenbruck, *Angel Veneration and Christology* (WUNT 2/70; Tübingen: Mohr/Siebeck, 1995) 71ff; I. Tishby, *The Wisdom of the Zohar*, 2.626–632; G. Vajda, “Pour le dossier de Metatron,” в: *Studies in Jewish Religious and Intellectual History Presented to A. Altmann* (eds. S. Stein and R. Loewe; University of Alabama Press, 1979) 345–354; E.E. Urbach, *The Sages, Their Concepts and Beliefs* (2 vols.; tr. I. Abrahams; Jerusalem, 1975) 1.138–139; 2.743–744; E. Wolfson, *Through a Speculum that Shines: Vision and Imagination in Medieval Jewish Mysticism* (Princeton: Princeton University Press, 1994) 113, 334; idem, “Metatron and Shi’ur Qomah in the Writings of Haside Ashkenaz,” в: *Mysticism, Magic and Kabbalah in Ashkenazi Judaism* (eds. K. E. Groezinger and J. Dan, Berlin — New York: Walter de Gruyter, 1995) 60–92.

²⁹ Термин «мир» (עולם) как часть титула этого ангела обозначает все творение. Петер Шефер замечает, что в раввинистической литературе «владыкой мира» называется ангел, поставленный над всем творением. В число его обязанностей входит молитва вместе со всей землей о пришествии Мессии, а также похвала Богу за Его творящую деятельность. P. Schäfer, *Rivalität zwischen Engeln und Menschen: Untersuchungen zur rabbinischen Engelvorstellung* (SJ, 8; Berlin: Walter de Gruyter, 1975) 55.

³⁰ О Енохе как «владыке мира» по изложению Второй книги Еноха см.: A. Orlov, *The Enoch-Metatron Tradition* (TSAJ, 107; Tübingen: Mohr-Siebeck, 2005) 159–161.

³¹ Игорь Тантлевский замечает, что в Третьей книге Еноха (3 Енох 8) Енох-Метатрон обладает качествами, которыми, согласно трактату Хагига 12а Вавилонского Талмуда, и Авот де Рабби Натан А 27:43, мир был сотворен и поддерживается. И.Р. Тантлевский, *Книги Еноха* (М.—Иерусалим: Гешарим, 2000) 185.

³² Idel, *Ascensions on High in Jewish Mysticism*, 88.

³³ О текстах и переводах материалов, связанных с традицией *Шуур Кома*, см: P. Schäfer, with M. Schlüter and H. G. von Mutius., *Synopse zur Hek-*

телесностью вселенского масштаба, сравнимой с природными проявлениями самого Божества, и поэтому изображается как «мера божественного тела»³⁴.

Вопрос только в том, каким образом соотнести эти позднейшие иудейские свидетельства, в которых Енох-Метатрон выведен как основание или столп мира, с той картиной, которую мы находим во Второй книге Еноха. Можно ли предположить, что создатели этой книги пытались изобразить Еноха как эсхатологический столп мира, который с самого своего начала участвует в последнем эоне праведности и потому может рассматриваться как начаток эсхатологической жатвы? Ведь подобно тому, как Адоил предвосхищает первоначальный эон, дающий начало всему творению, Енох предвосхищает будущий эсхатологический эон, когда все творение погибнет в катастрофе, а праведники будут собраны в одном месте блаженства. Адоил и Енох тогда должны рассматриваться как уникальные примеры вселенской полноты: их сущностные свойства должны явить первоначальное и окончательное состояния вещей, и можно сказать, что они являются олицетворениями этих веков. Обоих персонажей объединяет одно качество — светоносность, которую следует считать знамением начала и конца времен.

Светоносность Еноха

Во Второй книге Еноха (2 Енох 66, 11) развивается тема состояния праведников в последнем эоне. Они изображены как светоносные создания: «Блаженны праведники, которые избегнут Суда Великого Господнего, ибо озарятся лица их подобно солнцу»³⁵. Предание о том, что праведные люди источают свет,

halot-Literatur (TSAJ, 2; Tübingen: Mohr/Siebeck, 1981); M. Cohen, *The Shirur Qomah: Texts and Recensions* (TSAJ, 9; Tübingen: Mohr/Siebeck, 1985); P. Schäfer et al., *Übersetzung der Hekhalot-Literatur* (TSAJ, 17, 22, 29, 46; Tübingen: Mohr/Siebeck, 1987–1995).

³⁴ Одно из таких описаний можно найти в главе девятой Третьей книги Еноха (*Synopse* §12), где выводится преобразование тела Еноха-Метатрона: оно приобретает исполинские размеры, покрывающие мир в длину и в ширину: «Я увеличился и рос в размере до тех пор, пока не совпал с миром по длине и широте. Он дал вырасти на мне 72 крылам, 36 с одного боку и 36 с другого, и каждое крыло могло закрыть весь мир...» P. Alexander, «3 (Hebrew Apocalypse of) Enoch,» *The Old Testament Pseudepigrapha* (ed. J.H. Charlesworth; New York: Doubleday, 1985 [1983]) 1.263.

³⁵ Навтанович, «Книга Еноха», 231.

опять привязано в нашем тексте к истории главного героя — ведь сам седьмой допотопный патриарх несколькими главами ранее претерпел свой драматический переход к светоносному состоянию.

Эта традиция позволяет предположить, что Енох, который в гл. 22 претерпевает пресветлое преобразование пред Лицом Божиим и обращается в сияющее небесное существо, становится первенцем будущего эона, когда все праведные люди сподобятся стать светоносными. Эсхатологическая светоносность явно отсылает к первоначальному состоянию Адоила и, что гораздо важнее, к неизбывной светоносности Адама до падения — тому состоянию непорочности, которое он утратил по причине греха.

Нетленность Еноха

Преобразование Еноха в светоносное небесное создание предполагает и другое его свойство, раскрывающееся в эсхатологической перспективе. Это свойство, упомянутое в описании Енохом будущего эона праведных, может быть обозначено как состояние нетленности. Енох говорит, что в конце времен все праведники, избежавшие великого суда Господня, обретут состояние, в котором не будет места невздам и болезням: «И все праведники, которые избегнут наказания Господнего великого, соединятся в Веке Великом, вместе соединятся праведники и будут пребывать (там) вечно. И более не будет им ни труда, ни болезни, ни скорби, ни ожидания невзгод, ни тягот, ни ночи, ни тьмы; свет великий будет для них всегда... озарятся лица их подобно солнцу»³⁶.

Особый упор, который делается на нетленность будущего состояния праведных, собранных в последнем эоне, не может не вызвать в памяти обретенное патриархом положение небесного человека. На обретенную патриархом Енохом нетленность намекают слова, сказанные им во время краткого возвращения на землю. После того как он преобразился в светоносного мужа, Бог посылает его назад в мир, чтобы он смог передать небесное знание своим детям и людям земли. Во время его земных наставлений его сын Мафусаил попросит у отца дозволения приготовить ему немного еды, чтобы он восстановил свои силы. Но побывавший на небесах праведник вежливо откажется от пищи,

³⁶ Навтанович, «Книга Еноха», 231.

сетуя на то, что земная еда никак не согласуется с его нынешним состоянием:

Отвѣща Мефусаломъ отцеви своему Енохови: «Что есть годѣ очима твоима, отче? Да сотворимъ брашна предъ лицомъ твоимъ. Да благословиши храмы наша и сыны своя, и вся домочадца твоя, прославиши люди своя, да тако по томъ отидеши». И отвѣща Енох сынови своему, и рече: «Слыши, чадо, от дни, иже помаза мя Господь елѣмъ славы своя, и страшно бысть мнѣ, ни сладит ми брашно, ни ми ся хоцетъ о земномъ брашнѣ. Но зови братию свою и вся домочадца наша, и старци людстѣи, да поглаголю к ним и отиду»³⁷.

Здесь мы видим важнейшую связь между переменами в его природе, произошедшими во время пресветлого преобразования пред Престолом Славы и недавно приобретенным состоянием нетленности, которое показывает, как будут жить праведники в будущем веке.

Итак, Енох, которому приписана нетленность, достижимая только в эсхатологических событиях, выступает здесь как первенец будущего века праведных или, быть может, как один из тех, кто уже участвует в этом будущем веке. Замечательно, что во время этой последней встречи Енох говорит сыновьям, что он готов отправиться на высочайшее небо в свое «вечное достояние»³⁸.

Енох как носитель откровения

Как мы уже заметили выше, космологический эпизод во Второй книге Еноха позволяет определить Адоила как носителя откровения. Распад его цельности есть само по себе своего рода повествование, открывающее порядок тварных дел: «От света

³⁷ Отвечал же Мефусалом отцу своему Еноху: «Что угодно глазам твоим, отец? Да приготовим еду (из того) для тебя. И да благословишь дома наши и сыновей своих, и всех домочадцев своих, и прославишь людей своих, и после этого уйдешь». Енох же ответил сыну своему, говоря: «Знай, чадо, что с тех пор, как умастил меня Господь елеем славы своей и вострепетал я, не услаждает меня пища, и не хочется мне (ничего) из земных блюд. Но позови братьев своих и всех домочадцев наших, и старейшин народа, дабы говорил с ними, и (после) отойду». Навтанович, «Книга Еноха», 226–227.

³⁸ Навтанович, «Книга Еноха», 226–227.

изошел Век огромный, являя [собой] все создания, которые замыслил Я сотворить»³⁹.

Замечательно, что в славянском апокрифе Енох не просто рассматривается как первенец последнего эона благодаря наличию в нем множества качеств будущей жизни, но он также свидетельствует о последнем эоне, в словах передавая откровение о его свойствах. Подобного откровения мы не встречаем в других частях апокрифа, даже в обращении Божества к носителю откровения, когда Божество открывает созерцателю Еноху самые глубокие тайны всего мира, Оно не упоминает о последнем эоне. Служение Еноха как носителя откровения о самых сокровенных тайнах мира вовсе не является инновацией создателей Второй книги Еноха, потому что такое служение выступает как неотъемлемая часть судьбы героя начиная с месопотамских прототипов Еноха. Один из таких прообразов, седьмой допотопный царь Энмедуранки часто характеризуется как носитель откровения и как «хранитель (букв.: хранение) тайн великих богов»⁴⁰. Названные титулы предвосхищают приписанное Еноху служение носителя откровения и знатока тайн. В поздней енохической литературе, связанной с легендами о Метатроне, седьмого допотопного патриарха часто наделяют званием «Знатор тайн» (יִדְעֵ רֵזִים)⁴¹. Посвящение в тайное знание станет одной из фундаментальных обязанностей патриарха в различных изводах енохической традиции: будет сообщаться, что за свое краткое прибытие на землю он успел передать своим сыновьям и другим людям множество астрономических, метеорологических, календарных и эсхатологических знаний. Ведение тайн включается в число обязанностей Метатрона в традиции *Меркавы*, где Метатрон отвечает за передачу высочайших тайн низшим, чем он, «князьям», а также всему человечеству.

³⁹ Хачатурян, «Книга Еноха», 51–52.

⁴⁰ H.S. Kvanvig, *Roots of Apocalyptic: The Mesopotamian Background of the Enoch Figure and of the Son of Man* (WMANT, 61; Neukirchen-Vluyn: Neukirchener Verlag, 1988) 188.

⁴¹ Джон Коллинз замечает, что «функция Еноха как носителя откровения... становится более понятна, если мы проведем параллель с Энмедуранки. Шумерский царь был допущен в небесный совет, и ему были показаны тайны, благодаря чему и были созданы таблицы небесных явлений и приемы дивинации». J.J. Collins, *Seers, Sybils and Sages in Hellenistic-Roman Judaism* (SJSJ, 54; Leiden: Brill, 1997) 45.

Во Второй книге Еноха поражает нас то, что патриарх передает откровение не только устами, но и самой онтологической ситуацией, т.е. показывает, как будет устроена жизнь будущего века, своим светоносным преображением и праведностью. В настоящем веке он многообразно предвосхищает события, которые произойдут в конце времен, когда праведники со всего мира соберутся вместе. Подобно Адоилу, открывающему первоначальный век, сокрытый в его чреве, собственной природой и распадом собственной целостности, Енох также скрывает внутри себя эсхатологический эон, предвосхищая то сущностное состояние, которое будет достигнуто в будущем всеми праведниками.

Енох как священное основание

Когда мы говорили об Адоиле как об изначальном «столпе», мы заметили, что его можно отождествить с высочайшим священным основанием, на котором зиждется небесный Храм. В качестве небесного Храма выступает Престол Господень, изображенный в апокрифе как центр мира сотворенных вещей.

Замечательно, что как Адоил становится высочайшим основанием небесного Храма, так и Енох явно изображается как священное основание земного Храма. Во Второй книге Еноха, непосредственно после наставлений, которые Енох преподал своим сыновьям перед его окончательным вознесением на небеса, говорится, что первородный сын Еноха Мафусаил и его братья соорудили алтарь в Ахузане⁴², на том самом месте, откуда произошло вознесение Еноха. Так, место расставания героя с земным миром подается здесь как сакральный центр земной области, где и должны совершаться поставления священнослужителей и искупительные жертвы. То есть именно там нужно поставить алтарь закланий. Нельзя считать случайным, что во Второй книге Еноха Ахузань рассматривается как центр мира. Этот загадочный топоним, дошедший до нас в славянском изводе, ученые возводят к евр. מִזְבֵּחַ, «священное достояние Божие» — это же слово в Книге Иезекииля (Иез 48, 20–21) применяется по отношению к Иерусалиму и Храму⁴³.

Подобно тому как Адоил, начинатель времен, сближается с небесным Престолом Божества, так и Енох, как провозвестник

⁴² Slav. Ахузань.

⁴³ Milik, *The Books of Enoch*, 114.

конца времен, сближается с земным воспроизведением Престола — Храмом. Во Второй книге Еноха столь же явно прочитывается вертикальное сопоставление Престола и Храма, как и горизонтальное сопоставление начального и конечного времени.

Также Ахузань получает в тексте апокрифа дополнительный смысл, связанный с началом веков: он отождествляется с местом сотворения Адама. Первоначальные и конечные «столпы» поставлены в одном месте: начальная точка создания человеческого мира становится и местом возвещения будущего союза праведников.

Енох как искупитель

В гл. 64 славянской версии Второй книги Еноха мы встречаем упоминание о патриархе Енохе как об искупителе человечества. В этой главе говорится о молитве старейшин людских и всех жителей земли перед Енохом на месте его второго вознесения на небо. Все присутствующие поверглись ниц пред патриархом и обратились к нему с таким воззванием:

Благословенъ есть Господеви, Царю Вѣчному, нынѣ благослови люди своя и прослави на лица Господни, яко тя избра Господь повѣдателя, отяти грѣх наших⁴⁴.

Важнее всего в этом обращении обозначение Еноха как того, кто «отнял грехи наши». Приписанная Еноху роль искупителя может быть объяснена только спасительностью его проповеди как принадлежащей уже не здешнему миру, а будущему миру праведников. Енох изображен в данном отрывке не просто как один среди многих праведников и даже не как праведник по преимуществу, но как носитель всей праведности, которая доступна человечеству. Также заслуживает нашего внимания, что в данном отрывке вопрос о патриархе Енохе как об искупителе связан с темой о видимом и невидимом творении и с его зна-

⁴⁴ «Благословен ты у Господа, Царя Вечного, ныне же благословил ты людей своих и прославил (их) перед Господом, ибо тебя избрал Господь, чтобы поведал (о творении его) и отнял грехи наши» (краткая редакция). Навтанович, «Книга Еноха», 228–229.

чением как созерцателя и носителя космологического знания⁴⁵. Опять же, как в случае Адоила, связавшего невидимое и видимое творение, Енох обладает ведением не только открытого ему порядка видимых вещей, но и явно увиденного небесного соответствия.

Заключение

В поздней еврейской мистике Енох-Метатрон изображается как путеводитель человеческих душ, сходный с Аватуром мандейской традиции. На Еноха-Метатрона возложено возведение человеческих душ к их окончательному предназначению⁴⁶. Вавилонский Талмуд⁴⁷ и литература Чертогов⁴⁸ делают упор на этом

⁴⁵ Важность писаний Еноха в эсхатологическое время подтверждена в том месте Второй книги Еноха, где мотив прославленной праведности упоминается в контексте эсхатологического времени: «И оставляю мужа праведного из племени твоего, со всем домом его, который делал (все) по воле моей. И от семени их поднимется род последний, многочисленный и не пресыщенный. И когда взойдет род тот, явятся книги, написанные тобой и твоими отцами, поскольку стражи земные покажут их мужам верным, и будут (те книги) рассказаны роду тому и будут почитаемы впоследствии более, чем в первый раз». Навтанович, «Книга Еноха», 219.

⁴⁶ N. Deutsch, *Guardians of the Gate: Angelic Vice Regency in Late Antiquity* (Brill's Series in Jewish Studies, 22; Leiden: Brill, 1999) 99.

⁴⁷ Трактат «Авода Зара» Вавилонского Талмуда описывает Метатрона как учителя душ, умерших во младенчестве: «Что делает Бог в четвертой четверти? Он восседает и наставляет детей в школе, как сказано: кому должно преподавать знание и кому должно разъяснять извещение? Тем, кто не впитал это с молоком. Но кто их будет обучать? Если угодно, можно сказать, что Метатрон или что Бог творит это, как и многое другое. И что Он делает на ночь? Если угодно, можно сказать, то же, что и днем, или можно сказать, что, оседлав светлого Херувима, он мчится по восемнадцати тысячам миров. Поэтому и сказано: Божиих колесниц мириады...» I. Epstein, *Soncino Hebrew-English Talmud. Avodah Zarah* (London: Soncino, 1935–52) 3b.

⁴⁸ Глава 48-я Третьей книги Еноха (*Synopse* §75) отсылает к сходной традиции: «Метатрон восседает (יֵשֵׁב מִטְטְרוֹן) по три часа каждый день на высшем небе и собирает все души умерших в материнской утробе, и младенцев, умерших на материнской груди, и школьников пред тронем славы, и рассаживает их вокруг себя по классам, отрядам и группам, преподает им Тору и премудрость, агаду и предание, и завершает изучение свитком Закона, как сказано: “Кому нужно преподавать знание и кого наставлять в предании. Тем, кто впитывают это с молоком, а затем тем, кто отняты от груди”». P. Alexander, «3 (Hebrew Apocalypse of) Enoch,» *The Old Testament*

таинственном служении Метатрона, изображая его небесным учителем Торы, наставляющим души истинному ведению⁴⁹.

Предпринятое нами исследование показывает, что позднейшая функция Метатрона как кормчего душ может быть найдена уже в таком памятнике, как Вторая книга Еноха, где говорится о непостижимом участии вознесшегося на небо патриарха в эсхатологическом собирании человеческих душ, которые должны войти в окончательный эон праведных⁵⁰.

Pseudepigrapha (ed. J.H. Charlesworth; New York: Doubleday, 1985 [1983]) 313; P. Schäfer, with M. Schlüter and H. G. von Mutius, *Synopse zur Hekhaloth-Literatur* (TSAJ, 2; Tübingen: Mohr/Siebeck, 1981) 36–37. Сходное предание мы находим в «Алфавите рабби Акивы». См. S. A. Wertheimer, *Batei Midrashot* (2 vols.; Jerusalem: Mossad Harav Kook, 1950–53) 2.333–477.

⁴⁹ Значение Метатрона как вождя душ отразилось также в загадочном отрывке из Книги Зогар (*Зогар II*, 161b), где описывается таинственный ангельский служитель, отвечающий за души: «Все человечество, еще прежде его вхождения в этот мир, все присутствовало в своей стати и обличье, как если бы оно уже было в мире, в едином хранилище, где все души в мире уже облечены обличьем. И когда время наступает для них быть ниспосланными вниз в мир, Святой, да будет Он благословен, вызывает особого служителя, которого Он, Святой, да будет Он благословен, поставил отвечать за все души, нисходящие в мир. Он говорит ему: Ступай и приведи мне дух такого-то. В этот самый миг названная душа приходит, облачается в обличье мира сего, и служитель представляет душу Царю Святому. Святой, да будет Он благословен, беседует с душой и уверяет ее, что нисходит она в мир для того, чтобы изучать Тору... А кто живет в мире и не изучает Тору для того, чтобы приобрести знание о Нем, лучше для него было бы вовсе не появиться на свет — потому что только для изучения Торы Святой, да будет Он благословен, сотворил человека в этот мир». I. Tishby, *The Wisdom of the Zohar* (3 vols.; London: The Littman Library of Jewish Civilization, 1989) 2.744–745. Близкие рассуждения можно найти в трактате «Авода Зара» Вавилонского Талмуда и Книге чертогов (*Сефер Хейхалот*), где также говорится о фундаментальной важности изучения Торы и воспроизводится мотив ангельского кормчего всех душ. Описание, которое мы находим в Книге Зогар, включает в себя также образ хранилища душ — образ этот сразу вызывает в памяти текст Второй книги Еноха, а именно понятия о первоначальном и конечном вместилищах душ — эоне Адоиле и эсхатологическом эоне, вобравшем в себя души праведников.

⁵⁰ Интересно, что *Бемидбар Рабба* 12, 12 описывает Метатрона как отвечающего за души праведных, отданных во искупление грехов Израиля: «Рабби Симон изъяснил: когда Святой, да будет Он благословен, велел Израилю поставить Скинию, то когда эта Скиния была воздвигнута, другая Скиния возникла в высоте. Это скиния Отрока (*משכן הנוער*), имя которому Метатрон, и он возносит ввысь души праведных, чтобы заступиться за Израиль во дни его изгнания». *Midrash Rabbah* (10 vols.; London: Soncino Press, 1961) 5.482–3.

Содержание

Предисловие · 5

Сосуды Света: предание о светоносном веке
во Второй (славянской) книге Еноха · 7

Воскресение тела Адама: искупительная роль Еноха-Метатрона
во Второй (славянской) книге Еноха · 30

«Без меры и без подобия»: предания о Божественном Теле
во Второй (славянской) книге Еноха · 38

Лицо Бога как небесный двойник
мистика в славянской «Лестнице Иакова» · 71

Традиции Имени Божия в славянском
«Откровении Авраама» · 99

Затопленные кущи: предания о садах в славянской версии
Третьей книги Варуха и Книге исполинов · 123

Библиография по славянским ветхозаветным апокрифам
и связанным с ними исследованиям · 147

Тематический Указатель · 313